

Государственный мемориальный и природный заповедник
Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»
Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ СБОРНИК

2014

статьи
материалы
публикации

I

Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

2014

ББК 83.3(2=Рус)1
Я82

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. А. Толстая (*главный редактор*), А. Ф. Строев, Н. И. Азарова,
Т. Н. Архангельская, О. А. Голиненко, А. В. Гулин, В. А. Лебедева,
В. Б. Ремизов, О. А. Дорофеев, А. А. Златопольская, А. Н. Полосина,
Е. В. Петровская, Христиан Мюнх

Составитель А. Н. Полосина

Издается с 1955 г.

Я82 Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации. — Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. — 382 с.: ил.
ISBN 978-5-93322-096-1

Двадцать седьмой выпуск «Яснополянского сборника» содержит новые работы российских и зарубежных исследователей, рассматривающих творчество Л. Н. Толстого в контексте русской и европейской литературы, философии, религии, искусства. В сборник также включены материалы двух прошедших в Ясной Поляне научных конференций, посвященных сложным творческим и мировоззренческим связям Л. Н. Толстого с европейским Просвещением.

Издание иллюстрировано редкими фотографиями.

Адресовано литературоведам, музейным работникам, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

ББК 83.3(2=Рус)1

ISBN 978-5-93322-096-1

© Авторы статей, 2014
© «Музей-усадьба Л. Н. Толстого
“Ясная Поляна”», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Список условных сокращений

11

ТВОРЧЕСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО: ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА

Ю. И. Красносельская

Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник
«Записки о дворянском вопросе» Л. Н. Толстого

15

М. А. Можарова

Мемуары А. Т. Болотова как исторический и литературный источник
незавершенного замысла Л. Н. Толстого
«Труждающиеся и обремененные»

29

И. А. Айзикова

Образ Ж.-Ж. Руссо на страницах дневников и писем Л. Н. Толстого

37

И. И. Сизова

Начальный этап в формировании замысла романа Л. Н. Толстого
«Декабристы» (1870-е годы)

52

Н. А. Николаева

Барочная эмблема в романе «Война и мир»

70

Е. Ю. Полтавец

Мифо-сказочное перо и художественная историософия

«Войны и мира»

81

О. А. Светлакова, И. В. Аршинова

«Такое, чего не понимают живые»: она в повести Л. Н. Толстого

«Смерть Ивана Ильича»

97

Н. А. Горбылев

Смерть как феномен индивидуальной трагедии.

От Льва Толстого к Жоржу Батаю

104

А. А. Тулякова

Об одной помете Л. Толстого в книге А. Фичи

«Фаталистическая философия в романах Льва Толстого»

111

Н. И. Бурнашева

Мастерство Л. Н. Толстого

в создании пластического портрета образа-персонажа

118

Е. Ю. Горбылева

Л. Н. Толстой: критика и практика благотворительности

128

И. А. Краснова, М. В. Ланина

Особенности перевода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

на язык хореографии

137

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И Ж.-Ж. РУССО

*Материалы международной научной конференции,
посвященной 300-летию со дня рождения французского философа,
писателя, драматурга и композитора Жана Жака Руссо*

1712–2012

6–9 июня 2012 г., Ясная Поляна

А. Ф. Строев

«И была дыра в полотне, изображающая луну...»: опера глазами Фридриха Мельхиора Гримма и Льва Толстого
149

А. А. Златопольская

Произведения Руссо в России:
переводы и цензурные изъятия в XVIII–XX вв.
(На примере «Исповеди», «Эмиля» и «Общественного договора»)
160

А. В. Голубков

Язык «Исповеди»: риторические и дидактические стратегии
Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого
176

И. Пиотровска

К вопросу об образовании и самообразовании в дневниках Л. Н. Толстого
и в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо
196

Ж. Абенсур

Естественная религия от Жан-Жака Руссо до Льва Толстого
206

Ю. В. Прокопчук

Толстой и Руссо о государственной власти
214

В. Н. Янушевский

Августин — Абельяр — Руссо — Толстой:
становление исповедального жанра
227

Ф. Руа

Толстой как последователь педагогической мысли Руссо
240

Л. Шмук

Метафизика молочной коровы: образ Павы у Руссо
249

С. В. Панов, С. Н. Ивашкин

Руссо и Толстой: поэтика мечтаний и волевой проект
263

С. Е. Любимов

Две исповеди: Руссо и Толстой
277

М. Б. Волощук

Руссоизм эпитетных структур в теории брака
и философии гендера Л. Н. Толстого
(На материале поздней художественной прозы 1880–1910 гг.)
285

Э. Жмуйда

Идеи Жана Жака Руссо в литовской литературе
296

А. Ю. Сорочан

Французы в «Библиотеке...»: «руссоизм»
в русской журнальной словесности 1840–1850-х годов
309

А. Н. Полосина

Л. Н. Толстой и Ж.-Ж. Руссо о городской цивилизации
319

И. Ю. Матвеева

Л. Н. Толстой и Ж.-Ж. Руссо в работах Б. М. Эйхенбаума
328

Е. В. Петровская

Слово и молчание в автобиографических текстах Л. Н. Толстого и Руссо
341

Х. Мюнх

Проблематика первородного греха
у Толстого и Руссо
351

Л. А Сапченко

«Как бы ни были различны психологические основания...»
(К сюжету ухода в жизни и творчестве
русских писателей)
369

Список условных сокращений

- ГАТО* – Государственный архив Тульской области
ГМИИ им. А. С. Пушкина – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГМТ – Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)
ГРМ – Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
Гусев – Гусев Н. Н. Два года с Толстым. М., 1873
Гусев. Летопись I, II – Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М., 1958; 1960
Гусев. Материалы I, II, III, IV – Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. М., 1954; 1957; 1963; 1970
ДСТ – Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М., 1978
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ЛН – «Литературное наследство»
Моя жизнь – Толстая С. А. Моя жизнь. Машинопись. Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»
ОР – Отдел рукописей
ПАТ – Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой, 1857–1903. СПб., 1911
ПРП – Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978
ПТСБ – Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990
Опульская I, II – Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. М., 1979; 1998
РАН – Российская академия наук
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ – Российская государственная библиотека
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Сухотина Т. Л. – Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1981
ЯЗ – Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. М., 1979–1981. (Лит. наследство; Т. 90)
ЯПб – Яснополянская библиотека Л. Н. Толстого
Ясн. сб. – Яснополянский сборник. Тула

Ссылки на 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого (Юб. изд. М.; Л., 1928–1958) даны в текстах статей с указанием номеров тома и страницы в скобках.

А. А. Тулякова

ОБ ОДНОЙ ПОМЕТЕ Л. ТОЛСТОГО
В КНИГЕ А. ФИЧИ
«ФАТАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В РОМАНАХ ЛЬВА ТОЛСТОГО»

Изучение творчества Л. Н. Толстого в Италии начинается в 1869 году с публикаций в журнале *Rivista contemporanea*, редакция которого во многом способствовала установлению русско-итальянских литературных связей. Итальянская критика вплоть до середины 1880-х годов рассматривала Толстого как проводника идей исторического фатализма. Перевод на итальянский таких произведений, как «Анна Каренина», «Чем люди живы», «Власть тьмы», привлекает внимание критики на исследование этических проблем, характер решения которых Толстым вызвал резкое недовольство пуритански настроенной части итальянского общества. В целом же изучение пути творческого самоопределения Толстого, его философско-эстетической концепции рассматривалось итальянскими исследователями как путь постижения «моральной силы новой России»¹.

В работах итальянских ученых-славистов XIX века — Анджело де Губернатиса, Доменико Чамполи, Риккардо Форстера — Толстой предстал перед читателями как художник-мыслитель, создатель теории, в основе которой — страстное желание найти пути гармонизации мира. Будучи современниками Толстого, они имели возможность обсудить с ним свое видение его философии, особенности его творческого метода. В мемориальной библиотеке Ясной Поляны сохранилось несколько итальянских книг, содержащих пометы Толстого. Одна из них — небольшая книга Антонино Фичи «Фаталистическая философия в романах Льва Толстого», изданная в 1900 году; на книге есть дарственная надпись: «Льву Толстому с бесконечным благоговением»².

К этому времени в Италии были переведены «Война и мир» (1891), «Анна Каренина» (два перевода — 1886 и 1887 гг.), а в конце 1890-х го-

дов были переведены и опубликованы все ранние произведения Толстого³.

Можно предположить, что сразу после издания книги, ставшей итогом кропотливого изучения трех романов Толстого (в 1900 году вышел роман «Воскресение»)⁴, автор отправляет ее русскому писателю, рассчитывая услышать его отзыв о своей работе.

В этой книге Фичи дает краткий обзор произведений Толстого, указывая на такие особенности его творческой манеры, как «изменчивость духовных состояний героев», «иллюзии, которые бьются о суровую реальность», «чувства, которые исторгаются им из собственной души»⁵ и т. д. Читая книгу, Толстой загибает уголок страницы, где автор рассуждает об одном из наиболее часто встречающихся мотивов его творчества — мотиве боли. Боль, по мнению Антонино Фичи, осознается героями Толстого как принадлежность благодатного пути, приводящего их к духовному покою, при этом превращая «источник боли в источник радости»⁶. Покой, по мысли Фичи, является «новым познанным счастьем»⁷ для героев Толстого, души которых постоянно пребывают в смятении и в вечном поиске правды. В подтверждение своей мысли Фичи ссылается на эпизод у постели умирающей Анны, когда Алексей Каренин, испытывая «душевное расстройство»⁸, преодолевая свой рационализм, чувствует ранее неизвестное ему чувство счастья.

Действительно, мотив боли, включенный практически во все наиболее значимые эпизоды произведения, связанные с изображением семейных отношений, концептуализируется. Герои испытывают эмоциональную или физическую боль в моменты, важные с точки зрения их дальнейшей судьбы, когда им предстоит сделать нравственный выбор, результатом которого становится или обретение стабильности существования, или же движение к новой ступени развития, сопровождающееся осознанием эфемерности прежних умонастроений и стыдом за них. В понимании Фичи «боль» связана с переживанием героями общественно-политических или социальных коллизий; она рассматривается в своей экзистенциальной значимости, исходящей из внутренних потребностей личности. Известная категоричность Фичи по этому вопросу, по-видимому, и могла привлечь внимание Толстого, для которого отношения между «болью» и «счастьем» не всегда укладывались в рамки причинно-следственных связей.

По Толстому, «не будь боли, животная личность не имела бы указания отступлений от своего закона; не испытывай страданий разумное

сознание, человек не познал бы истины, не знал бы своего закона» (26, 433). Познание блага через страдание, таким образом, должно сопровождаться смирением, которое становится определяющим состоянием человека в преодолении им духовных заблуждений. Смирение перед болью, отсутствие сопротивления ей легло в основу концепции Ф. Ницше о так называемом «русском фатализме» — «фатализме без возмущения»⁹; несомненно, этот фатализм имеет место и в творчестве Толстого. Боль и принятие ее сталкивают животное и разумное в человеке, и духовный фатализм выступает здесь как катализатор «возрождающих» процессов личности, когда смирение тем более действенно, чем менее мы отрицаем его.

Концепт «боль» появляется уже на первых страницах «Анны Карениной». Представляя семейный конфликт Облонского и Долли, который в восприятии последней приобретает характер катастрофы, Толстой показывает крушение наивных иллюзий, сопровождавших Долли на протяжении восьми лет ее семейной жизни. «Долли в романе — носитель и образец бессознательной... морали»¹⁰, важной частью которой становится именно смирение и в конечном итоге безропотность перед выходками Степана Аркадьевича. Эмоциональная боль героини дважды приравнивается Толстым к боли физической: «— Уйдите, уйдите, уйдите, — не глядя на него, вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физической болью» (18, 13); и: «...будто от физической боли, опять поджались ее губы» (18, 14). В этом и в последующих эпизодах концепт «боль» тесно связан с понятиями «жалость» и «жестокость». Жалость Стивы по отношению к жене не может заменить той искренней любви, в которой нуждается Долли, и вследствие этого жалостливая снисходительность мужа кажется ей притворством, лицемерным сочувствием, то есть жестокостью.

По мере развития сюжета боль приобретает еще большую эмоциональность. Можно говорить о том, что в романе реализована модель, представляющая следующие этапы духовных переживаний героев: от ощущения душевной боли — к мучительным переживаниям — и к страданию. При этом две из трех основных сюжетных линий, *Облонский — Долли* и *Левин — Кити*, лишены последней стадии, поскольку предполагают возможность разрешения проблемной ситуации через принятие обстоятельств. В обеих ситуациях боль воспринимается всего лишь как испытание личности и поэтому носит временный характер. Тем не менее всем трем типам реализации концепта «боль» сопутствует

отчужденность героев друг от друга как следствие той опустошенности, которую испытывают герои после пережитого эмоционального стресса. Доли обращается к Облонскому: «Вы мне мерзки, гадки, чужой, да, чужой совсем! — с болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово *чужой*» (18, 14); Левин после отказа Кити замечает, «как теперь она стала *чужда* и далека ему!» (18, 53); и наконец, Каренины «продолжали жить в одном доме, встречались каждый день, но были совершенно *чужды* друг другу» (18, 372). Отчужденность является для героев своеобразной самозащитой, которая направлена на гармонизацию и упорядочение собственных мыслей и чувств.

Левину «было больно вспоминать» (18, 159) об отказе Кити, но боль эта сопровождалась стыдом и воспоминанием о «том жалком положении, в котором он должен был представляться другим в этот вечер» (18, 160). Левин болезненно переживает мысль о своем одиночестве — «нехорошо в его года человеку одному быть» (18, 159). Смирясь с невозможностью счастья, герой не лишается стремления жить здоровым физически. Душевная же боль Кити после бала, напротив, постепенно проецируется и на ее внешнее состояние, делая все ее существо болезненным и слабым. Жалость к Левину, а затем и к себе, вызванная разочарованием во Вронском и осознанием истинных чувств своих и Левина, в итоге формируют их семейный союз, в котором уже нет места мукам и страданиям как кульминации человеческих переживаний.

Совсем иное мы наблюдаем в сюжетной линии *Каренин — Анна — Вронский*. «Положение было мучительно для всех троих» (18, 372), при этом для каждого боль была вызвана тяжестью и невыносимостью той фальши, в которой они вынуждены существовать. Во взаимоотношениях героев, связанных в этом треугольнике, реализовано ядро концепта «боль», а также те его части, которые конкретизируют оттенки тяжелых душевных переживаний.

Переживание боли Карениным, как это изображено Толстым, дает основание для внесения существенных корректив в его характеристику как «министерской машины». В этом описании духовных мук героя мы в полной мере ощущаем стремительную динамику его душевного развития, которое направлено на выявление эмпатических свойств характера, на отождествление себя со страдающей после родов Анной. Первые признаки волнения Каренина отчетливо прослеживаются в разговоре с женой, когда через его «перестрадал» мы понимаем не

только всю силу его душевных страданий и «жестокой боли», в которых он сам признается, но и тщетность попыток сохранить рушащуюся семью. В сцене послеродовой горячки Анны — это «кульминация темы Каренина»¹¹ — способность сопереживать раскрывается в Каренине в полной мере, здесь становится очевидным противоречие между его прежними нравственными установками, на протяжении долгих лет внушаемыми себе, и скрытым от него до времени «радостным чувством любви и прощения» (18, 434). Здесь следование Каренина потоку естественных чувств, примирение с ситуацией и дают тот эффект «блаженного состояния души» (18, 434), который через «драматизацию сознания»¹² приводит героя к постижению главного христианского закона — всепрощения. Но и это ощущение оказалось временным. Отъезд Анны за границу с Вронским отозвался в душе Каренина очередным приступом боли, смешанной с переживанием одиночества и позора, и нежелание смириться с обстоятельствами превратило блаженное состояние в обреченность и отчужденность от людей вообще.

Вронский впервые сталкивается с эмоциональной болью в эпизоде красносельских скачек. Скачки — своего рода попытка сбегать от неразрешимых противоречий в отношениях с Анной — мыслятся Вронским как возможность поднять себя в глазах общества: победа укрепила бы его положение в свете. Случайная ошибка, несчастье лишают Вронского этой возможности, и проигрыш воспринимается как крах и разочарование, прежде всего в себе, что ведет к признанию личной неспособности наладить счастье свое и Анны. Физическому ощущению боли раненым Вронским уделено мало внимания в романе. Толстой акцентирует внимание на воспоминаниях Вронского, передающих эмоциональное напряжение и ощущение невозвратности «счастья, навсегда потерянного» (18, 439). И даже спустя некоторое время он говорит Варе, что у него *немного* болит грудь, т. е. отчаяние от безвозвратной потери счастья для Вронского намного болезненнее, чем физическая боль от раны.

Интересно, что боль Каренина и боль Вронского как будто уравниваются Толстым через метафору зубной боли, которая в конце романа снова актуализируется через физическое ощущение зубной боли у Вронского, отправляющегося на войну. Признание Анны в своей неверности ощущается Карениным как избавление от зубной боли — его боль прекращается в тот момент, когда он, как от больного зуба, освобождается «от мучавших его в последнее время сомнений и страданий

ревности» (18, 294). В финале романа, разговаривая с Сергеем Ивановичем, Вронский постоянно ощущает «щемящую боль крепкого зуба, наполнявшую слюною его рот» (19, 362) и мешавшую ему говорить. Нахлынувшие воспоминания заглушают зубную боль Вронского, она сменяется нестерпимой эмоциональной болью, сила которой превосходит физические страдания. Причем нужно заметить, что упоминание о боли в зубе в обоих случаях как бы «приземляет» высоту нравственных страданий героев.

Анна же испытывает боль и всю сопутствующую ей гамму чувств на протяжении всего романа — физическую боль при родах, боль душевную в отношениях с Вронским, которого упрекает в жестокости, жалость по отношению к Каренину и сыну и т. д. Анна, чувствуя, что мир, который она так долго для себя обустроивала, рушится, не пытается его восстановить, она бессознательно разрушает его. Постоянная сосредоточенность героини на Вронском и его отношении к ней, на малейших изменениях в его поведении усугубляет ее и без того тревожное состояние, которое к финалу перерастает в ощущение катастрофы. И когда боль, оттенки которой именно в судьбе Анны столь многообразны, уступает место не принятию своего положения, а размышлениям о нем и конечным желанием это положение исправить, Анна решает на самоубийство, видя в нем единственное избавление от так долго мучившей ее боли.

Толстой загибает уголок страницы, на которой автор пишет лишь об одной из форм восприятия боли толстовскими героями: боль — это благодатный путь к покою и смирению, и для прошедших этот путь «жалкие интересы исчезают, чтобы уступить место истинным законам жизни»¹³. Но для Толстого физическая боль является лишь внешним фактором, хотя преодоление этой «внешней» боли становится важным этапом на том пути постижения различий между истинным и ложным, которым идут все его положительные герои. Боль как неотъемлемая составляющая толстовской концепции «преображения духа» скорее категория философская, хотя физическая составляющая играет далеко не последнюю роль в создании личностью собственного духовного мира, в движении героя к истине. Личность и боль неотделимы друг от друга, в этом отношении боль мыслится как выпавшее на долю героев испытание, часто непосильное и связанное с болью «общественной», когда причины трагедии коренятся в мировоззрении общества, не позволяющего личности достойно существовать в результате сделанного выбора.

Ищущие герои Толстого наделяются способностью как сопротивляться обстоятельствам (что в итоге приводит к заблуждению и фатальным ошибкам), так и терпеть их, примиряясь с «личной» и «общественной» болью, не прибегая при этом «к борьбе со злом»¹⁴ как разрушающей силой. Эта сторона философского «фатализма» Толстого оказалась вне поля зрения Фичи, в значительной степени сузившего его смысл.

¹ Володина М. В. О восприятии произведений Л. Н. Толстого в Италии // Россия и Запад: диалог культур: 8-я Международная конференция, 28–30 ноября 2001 г. М., 2002. С. 50.

² Fici A. La Filosofia fatalista nei romanzi di Leone Tolstoi: Conferenza. Marsala, 1900. Здесь и далее перевод мой. — А. Т.

³ Володина М. В. Указ. соч. С. 48.

⁴ Карданова Н. Б. Прижизненные отклики итальянской прессы на художественные произведения Л. Н. Толстого // Толстой и о Толстом: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2002. С. 170.

⁵ Fici A. La Filosofia fatalista nei romanzi di Leone Tolstoi. P. 10–11.

⁶ Ibid. P. 17.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Murphy T. Nietzsche, Metaphor, Religion. Albany, 2001. P. 188.

¹⁰ Орвин Д. Т. Искусство и мысль Толстого, 1847–1880. СПб., 2006. С. 200.

¹¹ Сливцкая О. В. «Истина в движении»: О человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009. С. 400.

¹² Там же.

¹³ Fici A. La Filosofia fatalista nei romanzi di Leone Tolstoi. P. 17.

¹⁴ Ibid.